

Бабушка отдыхает **Василий Сухомлинский**

Пришла из школы маленькая Галинка. Открыла дверь, что-то хотела весело сказать маме. Но мама пригрозила Галинке пальцем и прошептала:

— Тихо, Галинка, бабушка отдыхает. Целую ночь не спала, болело сердце.

Галинка тихонько подошла к столу, положила портфель. Пообедала и села учить уроки. Читает книжку тихо, про себя, чтобы не разбудить бабушку.

Открылась дверь, пришла Оля, подружка Галинки. Она громко сказала:

— Галинка, слушай...

Галинка погрозила ей пальцем, как мама, и прошептала:

— Тихо, Оля, бабушка отдыхает. Целую ночь она не спала, болело сердце.

Сели девочки к столу и рассматривают рисунки.

А из закрытых бабушкиных глаз выкатились две слезинки.

Когда бабушка встала, Галинка спросила:

— Бабушка, почему вы во сне плакали?

Бабушка улыбнулась, приглубила Галинку. В ее глазах светилась радость.

Большая берёза **Н. М. Артюхова**

Мама стояла на кухне с полотенцем на плече и вытирала последнюю чашку. Вдруг у окна показалось испуганное лицо Глеба.

— Тётя Зина! Тётя Зина! — крикнул он. — Твой Алёшка сошёл с ума!

— Зинаида Львовна! — заглянул в другое окно Володя. — Ваш Алёшка залез на большую берёзу!

— Ведь он же может сорваться! — плачущим голосом продолжал Глеб. — И разобьётся...

Чашка выскользнула из маминых рук и со звоном упала на пол.

— Вдребезги! — закончил Глеб, с ужасом глядя на белые черепки.

Мама выбежала на террасу, пошла к калитке:

— Где он?

— Да вот, на берёзе!

Мама посмотрела на белый ствол, на то место, где он разделялся надвое. Алёши не было.

— Глупые шутки, ребята! — сказала она и пошла к дому.

— Да нет же, мы же правду говорим! — закричал Глеб. — Он там, на самом верху! Там, где ветки!

Мама наконец поняла, где нужно искать. Она увидела Алёшу. Она смерила глазами расстояние от его ветки до земли, и лицо у неё стало почти такое же белое, как этот ровный берёзовый ствол.

— С ума сошёл! — повторил Глеб.

— Молчи! — сказала мама тихо и очень строго. — Идите оба домой и сидите там.

Она подошла к дереву.

— Ну как, Алёша, — сказала она, — хорошо у тебя?

Алёша был удивлён, что мама не сердится и говорит таким спокойным, ласковым голосом.

— Здесь хорошо, — сказал он. — Только мне очень жарко, мамочка.

— Это ничего, — сказала мама, — посиди, отдохни немного и начинай спускаться. Только не спеши.

Потихонечку... Отдохнул? — спросила она через минуту.

— Отдохнул.

— Ну тогда спускайся.

Алёша, держась за ветку, искал, куда бы поставить ногу. В это время на тропинке показался незнакомый толстый дачник. Он услышал голоса, посмотрел вверх и закричал испуганно и сердито:

— Куда ты забрался, негодный мальчишка! Слезай сейчас же!

Алёша вздрогнул и, не рассчитав движения, поставил ногу на сухой сучок. Сучок хрустнул и прошелестел вниз, к маминым ногам.

— Не так, — сказала мама. — Становись на следующую ветку.

Потом повернулась к дачнику:

— Не беспокойтесь, пожалуйста, он очень хорошо умеет лазить по деревьям. Он у меня молодец!

Маленькая, лёгонькая фигурка Алёши медленно спускалась. Лезть наверх было легче. Алёша устал. Но внизу стояла мама, давала ему советы, говорила ласковые, ободряющие слова. Земля приближалась и сжималась. Вот уже не видно ни поля за оврагом, ни заводской трубы. Алёша добрался до развилки. — Передохни, — сказала мама. — Молодец! Ну, теперь ставь ногу на этот сучок... Нет, не туда, тот сухой, вот сюда, поправее... Так, так, не спеши.

Земля была совсем близко. Алёша повис на руках, вытянулся и спрыгнул на высокий пенёк, с которого начинал своё путешествие.

Толстый незнакомый дачник усмехнулся, покачал головой и сказал:

— Ну-ну! Парашютистом будешь!

А мама обхватила тоненькие, коричневые от загара, исцарапанные ножки и крикнула:

— Алёшка, обещаю тебе, что никогда, никогда больше не будешь лазить так высоко!

Она быстро пошла к дому. На террасе стояли Володя и Глеб. Мама пробежала мимо них, через огород, к оврагу. Села в траву и закрыла лицо платком. Алёша шёл за ней, смущённый и растерянный. Он сел рядом с ней на склоне оврага, взял её за руки, гладил по волосам и говорил:

— Ну, мамочка, ну, успокойся... Я не буду так высоко! Ну, успокойся!

Он в первый раз видел, как плакала мама.

— Ну-ка, взгляни, что за гость у нас! — громко позвал меня папа, когда я ещё копался с сандаликами в коридоре, придя с улицы.

Все добрые люди – одна семья ***Василий Сухомлинский***

Во втором классе был урок рисования. Дети рисовали ласточку.

Вдруг в дверь кто-то постучал. Учитель открыл дверь и увидел заплаканную женщину – мать маленькой белокозой, синеглазой Наташи.

– Прошу вас, – обратилась мать к учителю, – отпустить Наташу. Бабушка умерла.

Учитель подошел к столу и тихо сказал:

– Дети, пришло большое горе. У Наташи умерла бабушка. Наташа побледнела. Глаза ее наполнились слезами. Она склонилась на парту и тихо плакала.

– Иди, Наташа, домой. За тобой пришла мама.

– Пока девочка собралась, чтобы идти домой, учитель сказал:

– У нас тоже сегодня не будет уроков. Ведь в нашей семье – большое горе.

– Это же в Наташиной семье? – спросил Коля.

– Нет, в нашей человеческой семье, – объяснил учитель. – Все добрые люди – это одна семья. И если кто-то в нашей семье умер, мы осиротели.

Горбушка ***Борис Алмазов***

Гришка из нашей средней группы принес в детский сад пластмассовую трубочку. Сначала он в нее свистел, а потом стал из нее плевать пластилиновыми шариками. Он плевался исподтишка, и наша воспитательница Инна Константиновна ничего не видела.

Я в тот день был дежурным в столовой. Инна Константиновна говорит, что это самый ответственный пост. Ответственнее всего суп разносить, потому что тарелку за края брать нельзя – можно пальцы обмакнуть, а на ладошках нести горячо! Но я весь суп хорошо разнес. Просто прекрасно! Даже на столы не пролил! Стал раскладывать хлеб на тарелки-хлебницы, тут все ребята пришли, и Гришка этот с трубочкой своей. Я понес поднос на кухню, а горбушку одну в руке нес – себе оставил, я горбушки очень люблю. Тут Гришка как дунет в меня! Пластилиновый шарик попал мне прямо в лоб и отскочил в мою тарелку с супом! Гришка как захохочет, и ребята тоже хихикать стали. Смеются надо мною, что мне шарик в лоб попал.

Мне так обидно стало: я старался, дежурил изо всех сил, а он мне в лоб, и все смеются. Я схватил свою горбушку да как запустил в Гришку. Я очень хорошо кидаюсь! Метко! Попал ему прямо по затылку.

Он даже охнул – горбушка ого какая! Не какой-то там шарик пластилиновый. Горбушка от его стриженной головы отскочила и долго по полу через всю столовую катилась – вот как я сильно бросил! Но в столовой сразу стало тихо, потому что Инна Константиновна покраснела и стала на меня смотреть! Она наклонилась, медленно подняла горбушку, сдула с нее пыль и положила на край стола. – После тихого часа и полдника, – сказала она, – все пойдут гулять, а Сережа останется в игровой комнате и хорошенько обдумает свой поступок. Сережа ходит в детский сад один, но мне, я чувствую, нужно поговорить с его родителями. Сережа! Пусть завтра придут твои папа или мама!

Когда я пришел домой, папа уже вернулся с работы и читал газету, лежа на диване. Он у себя на заводе устает очень, один раз даже за обедом уснул.

– Ну, как дела? – спросил он.

– Нормально, – ответил я и поспешил поскорее в свой уголок к моим игрушкам пройти. Я думал, папа опять свою газету читать будет, но он ее свернул, с дивана поднялся и присел рядом со мной на корточки.

– Так ли уж все нормально?

– Да хорошо! Хорошо все! Замечательно... – и быстрее самосвал кубиками нагружаю, а они почему-то не нагружаются, так и прыгают из рук.

– Ну, если все замечательно, то почему некоторые в шапке в комнату входят и, явившись с улицы, рук не моют?

И действительно, я в шапке и руки вымыть позабыл!

– В общем, так! – сказал папа, когда я вернулся из ванной. – Давай рассказывай, что у тебя стряслось?

– А потому что Инна Константиновна, – говорю, – несправедливый человек! Не разберется, а наказывает! Мне же Гришка первый в лоб шариком запустил, а я его горбушкой потом... Он же первый, а она меня наказала!

– Какой горбушкой?

– Обыкновенной! От круглого хлеба. Гришка первый начал, а меня наказали! Разве это по-честному? Папа ничего не ответил, только сел на диван, ссутулился, руки между колен свесил. У него такие руки большие и жилы, как веревки. Он очень расстроился.

– Как ты думаешь, – спросил папа, – за что тебя наказали?

– Чтобы не дрался! Но ведь Гришка первый начал!

– Так! – сказал папа. – Ну-ка, принеси мою папку. Она в столе лежит, в нижнем ящике.

Папа ее очень редко достает. Это большая кожаная папка. Там папины почетные грамоты, фотографии, как он во флоте служил. (Я тоже моряком буду, когда вырасту). Папа достал не фотографии своих товарищей-моряков, а конверт из пожелтевшей бумаги.

– Ты никогда не задумывался, почему у тебя нет ни бабушки, ни дедушки?

– Задумывался, – сказал я. – Это очень плохо. У некоторых ребят по два дедушки и по две бабушки, а у меня никого...

– А почему их нет? – спросил папа.

– Они погибли на войне.

– Да, – сказал папа. Он достал узенькую полоску бумаги. – «Извещение», – прочитал он, и я увидел, как у папы мелко и часто задрожал подбородок: – «Проявив мужество и героизм в составе морского десанта, пал смертью храбрых...» – это один твой дедушка. Мой отец. А вот это: «Скончался от ран и общего физического истощения...» – это второй твой дедушка, мамин папа.

– А бабушки! – закричал я, потому что мне их всех было очень жалко.

– Они умерли в блокаду. Ты же знаешь про блокаду. Фашисты окружили наш город, и Ленинград остался совсем без продовольствия.

– И без хлеба? – эти слова у меня получились шепотом.

– В день выдавали по сто двадцать пять граммов... Один кусочек, такой, который ты за обедом съедаешь...

– И все?

– И все... Да и хлеб-то этот был с мякиной да с хвоей... Блокадный, в общем, хлеб.

Папа достал из конверта фотографию. Там были сняты школьники. Все наголо стриженные и ужасно худые.

– Ну, – сказал папа, – найди меня.

Все ребята были похожи между собой, как братья. У них были усталые лица и печальные глаза.

– Вот, – папа показал на мальчика во втором ряду. – А вот твоя мама. Я ее вообще никогда бы не узнал. Я думал: это мальчик лет пяти.

– Это наш детский дом. Нас не успели вывезти, и мы всю блокаду были в Ленинграде. Иногда к нам приходили солдаты или моряки и приносили целый вещевой мешок хлеба. Мама наша была совсем маленькая и радовалась: «Хлебушко! Хлебушко!», а мы, ребята постарше, уже понимали, что бойцы отдали нам свой дневной паек и, значит, сидят там в окопах на морозе совсем голодные...

– Я обхватил папу руками и закричал:

– Папочка! Накажи меня как хочешь!

– Что ты! – папа поднял меня на руки. – Ты только пойми, сынок, хлеб – не просто еда... А ты его на пол...

– Я больше никогда не буду! – прошептал я.

– Я знаю, – сказал папа.

Мы стояли у окна. Наш большой Ленинград, засыпанный снегом, светился огнями и был таким красивым, будто скоро Новый год!

– Папа, ты завтра, когда в садик придешь, про хлеб расскажи. Всем ребятам расскажи, даже Гришке...

– Хорошо, – сказал папа, – приду и расскажу.

Именинный обед **Василий Сухомлинский**

У Нины большая семья: мать, отец, два брата, две сестры, бабушка.

Нина самая маленькая: ей девять лет. Бабушка самая старшая; ей восемьдесят два года.

Когда семья обедает, у бабушки дрожит рука. Все к этому привыкли и стараются не замечать.

Если же кто-нибудь посмотрит на бабушкину руку и подумает: почему она дрожит? – рука ее дрожит еще сильнее. Несет ложку бабушка – ложка дрожит, капельки на стол капают.

Скоро день рождения Нины. Мать сказала, что на ее именины будет обед. Она с бабушкой испечет большой сладкий пирог. Пусть Нина пригласит своих подруг.

Пришли гости. Мама накрывает стол белой скатертью. Нина подумала: и бабушка за стол сядет, а у нее рука дрожит. Подруги смеяться будут, расскажут всем в школе.

Нина сказала тихонько маме:

– Мама, пусть бабушка сегодня за стол не садится...

– Почему? – удивилась мама.

– У нее рука дрожит... Капает на стол...

Мама побледнела. Не сказав ни слова, она сняла со стола белую скатерть и спрятала в шкаф.

Мама долго сидела молча, потом сказала:

– У нас сегодня бабушка больна. Именинного обеда не будет.

Поздравляю тебя, Нина, с днем рождения. Мое тебе пожелание: будь настоящим человеком.

Как Соловьяха поит своих деток

Василий Сухомлинский

У Соловьяхи в гнезде трое птенцов. Целый день носит им Соловьяха еду – букашек, мушек, паучков.

Наелись соловьята, спят. А ночью, уже перед рассветом, просят пить. Летит Соловьяха в рощу. На листочках – чистая, чистая роса. Находит Соловьяха самую чистую капельку росы, берет ее в клювик и летит к гнезду, несет своим деткам пить. Кладет капельку на листочек. Пьют соловьята воду. А в это время и солнце всходит. Снова летит Соловьяха за букашками.

Как родился Василько

Василий Сухомлинский

– Дети, сегодня день рождения вашего товарища – Василька. Сегодня тебе, Василько, исполняется восемь лет. Поздравляю тебя с днем рождения. Расскажу вам, дети, как родился Василько.

Василька еще не было на свете, отец его работал трактористом, а мама – в шелководческом звене.

Готовилась молодая жена тракториста стать матерью. С вечера собрался молодой муж отвезти завтра жену в родильный дом.

Ночью разыгралась метель, насыпало много снега, дороги замело сугробами. Автомашина не могла ехать, а откладывать поездку никак нельзя было, чувствовала молодая женщина: скоро появится на свет дитя. Ушел муж за трактором, а в это время у жены начались страшные боли.

Приспособил муж к трактору большие сани, уложил на них жену, выехал из дому, а до родильного дома – семь километров. Метель не прекращается, степь покрылась белой пеленой, жена стонет, трактор еле пробирается по сугробам.

На полпути ехать дальше стало невозможно, трактор утонул в сугробах, мотор заглох. Подошел молодой муж к жене, поднял ее с саней, завернул в одеяло и понес на руках, с невероятным трудом выбираясь из одного сугроба и погружаясь в другой.

Метель неистовствовала, снег слепил глаза, муж обливался потом, сердце у него вырывалось из груди; казалось, что вот еще один шаг – и больше не станет сил, но в то же время человеку было ясно, что если он остановится хоть на минуту – погибнет.

Через несколько десятков метров он на мгновение остановился, сбросил пальто, оставшись в телогрейке.

На руках стонала жена, в степи выл ветер, а муж в эти мгновения не думал ни о чем, кроме маленького живого существа, которое должно родиться и за которое он, молодой тракторист Степан, отвечает перед женой, перед своим отцом и матерью, перед дедушкой и бабушкой, перед всем родом человеческим, перед своей совестью.

Четыре страшных километра молодой отец шел несколько часов; в дверь родильного дома он постучал уже вечером; постучал, передал на руки санитаркам завернутую в одеяло жену и упал без сознания. Когда развернули одеяло, изумленные врачи не поверили своим глазам: рядом с женой лежал ребенок – живой, крепкий. Он только что родился, мать стала кормить сына здесь же, в коридоре, а врачи окружили кровать, в которой лежал отец.

Десять дней находился Степан между жизнью и смертью.

Врачи спасли ему жизнь.

Так родился Василько.

Кто кого ведет домой

Василий Сухомлинский

В детском саду есть два пятилетних мальчика – Василько и Толя. Их мамы работают на животноводческой ферме. В шесть часов вечера они заходят в детский сад за детьми.

Мама одевает Василька, берет его за руку, ведет за собой и говорит:

– Пойдем, Василько, домой.

А Толя одевается сам, берет маму за руку, ведет за собой и говорит:

– Пойдем, мама, домой. Дорогу засыпало снегом. Есть только узенькая тропинка в снегу. Мать Василько идет по снегу, а сын – тропинкой. Ведь она ведет Василько домой.

Толя идет по снегу, а мама – тропинкой. Ведь Толя ведет маму домой.

Прошло двенадцать лет. Стали Василько и Толя сильными, стройными, красивыми юношами.

Зимой, когда глубоким снегом замело дороги, тяжело заболела мама Василька.

В тот же день заболела и Толина мама.

Врач жил в соседнем селе, в пяти километрах.

Василько вышел на улицу, посмотрел на снег и сказал:

– Разве можно по такому снегу идти? – Постоял немного и возвратился в дом.

А Толя пошел по глубокому снегу в соседнее село и вернулся с врачом.

Самые ласковые руки

Василий Сухомлинский

Маленькая девочка приехала с мамой в большой город. Пошли они на базар. Мама вела дочку за руку. Девочка увидела что-то интересное, от радости захлопала в ладоши и потерялась в толпе. Потерялась и заплакала.

– Мама! Где моя мама?

Люди окружили девочку и спрашивают:

– Как тебя зовут, девочка?

– Оля.

– А как маму зовут? Скажи, мы ее сейчас же найдем.

– Маму зовут... мама... мамочка...

Люди улыбнулись, успокоили девочку и снова спрашивают:

– Ну, скажи, какие у твоей мамы глаза: черные, голубые, синие, серые?

– Глаза у нее... самые добрые...

– А косы? Ну, волосы какие у мамы черные, русые?

– Волосы... самые красивые...

Опять улыбнулись люди. Спрашивают:

– Ну, скажи, какие у нее руки... Может быть, какая-нибудь родинка у нее на руке есть, вспомни.

– Руки у нее... самые ласковые.

И объявили по радио:

«Потерялась девочка. У ее мамы самые добрые глаза, самые красивые косы, самые ласковые в мире руки».

И мама сразу же нашлась.

Седьмая дочь

Василий Сухомлинский

Было у Матери семь дочерей. Поехала однажды Мать в гости к сыну, а сын жил далеко-далеко. Возвратилась Мать домой через месяц.

Когда она вошла в хату, дочки одна за другой стали говорить, как они соскучились по Матери.

– Я соскучилась по тебе, как маков цветок по солнечному лучу, – сказала первая дочь.

– Я ждала тебя, как сухая земля ждет каплю воды, – промолвила вторая дочь.

– Я плакала о тебе, как маленький птенец плачет о птичке... – ворковала третья дочь.

– Мне трудно было без тебя, как пчеле без цветка, – сказала четвертая дочь, ласкаясь к матери и заглядывая ей в глаза.

– Ты снилась мне, как розе снится капля росы, – щебетала пятая дочь.

– Я выглядывала тебя, как вишневый сад выглядывает соловья, – прошептала шестая дочь.

А седьмая дочь ничего не сказала, хотя сказать ей надо было очень много. Она сняла с ног Матушки обувь и принесла ей воды в большом тазике – помыть ноги.

Сказка о Гусыне

Василий Сухомлинский

В жаркий летний день вывела гусыня своих маленьких желтеньких гусят на прогулку. Она показывала деткам большой мир. Этот мир был зеленым и радостным – перед гусятами раскинулся огромный луг. Гусыня учила деток щипать нежные стебельки молодой травки. Стебельки были сладкие, солнышко теплое и ласковое, трава мягкая, мир зеленый и поющий многими голосами жучков, бабочек, мотыльков. Гусята были счастливые.

Вдруг появились темные тучи, на землю упали первые капли дождя. А потом посыпались крупные, как воробьиные яички, градинки. Гусята прибежали к маме, она подняла крылья и прикрыла ими своих детей. Под крыльями было тепло и уютно, гусята слышали, как будто бы откуда-то издалека доносится грохот грома, вой ветра и стук градинок. Им даже стало весело: за материнскими крыльями творится что-то страшное, а они в тепле и уюте.

Потом все утихло. Гусятам хотелось поскорее на зеленый луг, но мать не поднимала крылья. Гусята требовательно запищали: выпускай нас, мама.

Мать тихо подняла крылья. Гусята выбежали на траву. Они увидели, что у матери изранены крылья, вырваны многие перья. Мать тяжело дышала. Но мир вокруг был таким радостным, солнышко сияло так ярко и ласково, жучки, пчелы, шмели пели так красиво, что гусятам почему-то и в голову не пришло спросить: «Мама, что с тобой?» И когда один, самый маленький и слабенький гусенок подошел к маме и спросил: «Почему у тебя изранены крылья?» – она тихо ответила: «Все хорошо, мой сын».

Желтенькие гусята рассыпались по траве, и мать была счастлива.

У каждого свое счастье

Тамара Ломбина

Федька давно мечтал о велосипеде. Он ему даже снился: красный, с блестящим рулем и звонком.

Едешь, а счетчик – шелк, шелк! – считает, сколько ты километров накрутил.

А вчера он просто глазам не поверил: сыну фермера Авдеева Ваське купили велосипед. Именно такой, о котором Федька мечтал! Уж был бы хоть другого цвета, что ли...

Федька вроде никогда не был завистливым, а тут даже в подушку поплакал, так было жаль своей мечты. К маме приставать с расспросами, мол, когда ему тоже купят велик, не стал – знает, что нет денег у родителей.

Вот и сейчас мимо его двора промчался Васька... Федька поливал лунки с огурцами и тихонько глотал слезы.

Как всегда вовремя, во двор с шумом, смехом и таким родным покашливанием ворвался дядька Иван. Непутевый, так звали его родственники. Он закончил какой-то очень умный институт и приехал в

родное село. Здесь для его головы работы нет и не будет, да дядька и не хотел другой работы, он устроился пасти коней у Авдеевых.

Удивительно, как ему удается всегда понять, что у Федьки неприятности.

– Федул, что губы надул, – хитро глядя ему в глаза, спросил дядя, – кафтан прожег?

Но тут мимо двора, звоня как сумасшедший, промчался Васька. Дядя Иван понимающе посмотрел на Федьку.

– А пойдем сегодня со мной в ночное? – неожиданно предложил он.

– Можно? А мама пустит?

– Да уж вдвоем уговорим, – заверил неунывающий дядька.

Какой все-таки замечательный этот дядька Иван!

Вечером он приехал на белом Орлике, а рядом с Орликом бежал Огнивко – молодой рыжий конь с тонкими ногами, с огненной гривой, огромными и хитрыми глазами. Федька сам не помнит, как сел на Огнивка. Под завистливые взгляды мальчишек они проехали все село, а потом катались по лугу сквозь облака. Да-да, дядя Иван сказал, что в их Серебряный Лог на ночь спускаются, чтобы переспать до утра, облака. Это так здорово – ехать сквозь облако, полностью отдавшись чутью Огнивка. А потом прямо на конях они въехали в теплую, как парное молоко, реку. Огнивко оказался таким смышленным, они так здорово с ним играли в воде! Федька прятался за других коней, а он находил его и мягкими губами умудрялся схватить за ухо...

Уже обессилев, Федька выбрался на берег. Огнивко с жеребятами еще бегал, играл, а потом пришел и лег рядом с Федькой. Дядя Иван сварил уху. Когда только он все успевает. Вот когда он успел поймать рыбу?

Федька лег на спину и... зажмурился – небо во все звезды смотрело на него. От костра вкусно пахло дымом, ухой, а от Огнивка, от его дыхания было так спокойно. Приятно было чувствовать такой живой запах молодого полужеребенка, полуконя. Сверчки пели какую-то нескончаемую песню счастья.

Федька даже засмеялся: таким ненужным и уродливым показался теперь здесь, рядом со звездами, выметанный велосипед. Федька обнял Огнивка и почувствовал, что его душа взлетела высоко-высоко, к звездам. Он впервые понял, что такое счастье.

Юрко – тимуровец

Василий Сухомлинский

Третьеклассник Юрко стал тимуровцем. Даже командиром маленького тимуровского отряда. В его отряде – девять мальчиков. Они помогают двум бабушкам, которые живут на окраине села. Посадили возле их хат яблоньки и розы, поливают. Приносят воду, ходят за хлебом в магазин.

Сегодня дождливый осенний день. Юрко с мальчиками ходили колоть дрова бабушке. Пришел домой усталый, сердитый.

Снял ботинки, повесил пальто. И ботинки, и пальто в грязи.

Сел Юрко за стол. Мама подает ему обед, а бабушка моет ботинки и чистит пальто.

Я больше не буду

Василий Сухомлинский

Весной пятиклассники помогали колхозникам сажать арбузы и дыни. Руководили работой два старика – дед Дмитрий и дед Дементий. Оба они были седыми, у обоих лица покрыты морщинами. Они казались детям ровесниками. Никто из детей не знал, что дед Дементий – отец деда Дмитрия, одному из них девяносто лет, а другому – за семьдесят.

И вот деду Дементию показалось, что сын его неправильно подготовил семена арбузов к посадке.

Удивленные дети услышали, как дед Дементий стал поучать деда Дмитрия:

+

– Какой же ты нерасторопный, сынок, какой несообразительный... Век учу тебя и не могу научить. Семена арбузов надо выдержать в тепле, а ты что сделал? Они же озябли... Неделю будут сидеть в земле неподвижно...

Дед Дмитрий стоял перед дедом Дементием, как семилетний мальчик: ровно, переминаясь с ноги на ногу, наклонив голову... и с уважением шептал:

– Тату, больше этого не будет, извините, тату...

Дети задумались. Каждый из них вспомнил своего отца.